

Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года

Хлутков А. Д.¹, Межевич Н. М.^{1, 2, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Россия в течение долгого времени рассматривала себя как значимую, специфическую часть европейской цивилизации. Но в этом ей было отказано еще на рубеже 2008–2009 гг. Дальнейшее развитие проходило в условиях регионализации, системного мирового кризиса и нарастания противоречий между Россией и Европой. В результате на сегодняшний день Россия готова признавать свое историческое родство с Европой без каких-либо системных обязательств на этой основе.

Таким образом, во-первых, не Россия ушла из Европы, а Россию решили из Европы «исключить». Во-вторых, для нас останутся частью нашей идентичности Шекспир, которого забывают в Британии, и Ремарк, которого забыли в Германии. Бескультурие «отмены» стало символом современной Европы, но для нас это путь в никуда. И последнее. Российская цивилизация масштабнее и сложнее европейской: она евразийская цивилизация.

Ключевые слова: Европа, Европейский союз, интеграция, цивилизация, глобальный кризис, Россия, поиск идеологии, перспективы сотрудничества

Для цитирования: Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 27–33.

European Choice of Russian Civilization: The Imperatives of 2023

Andrey D. Khlutkov¹, Nikolay M. Mezhevich^{1, 2, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

For a long time, Russia has seen itself as a significant, specific part of European civilization. This was refused to Russia at the turn of 2008–2009. Further development took place in the context of regionalization, a systemic world crisis and an increase in contradictions between Russia and Europe. As a result, today Russia is ready to recognize its historical relationship with Europe, without any systemic obligations on this basis.

Thus, firstly, it was not Russia that left Europe, but Russia that decided to “exclude” from Europe. Secondly, for us, Shakespeare, who is forgotten in Britain, and Remarque, who was forgotten in Germany, will remain part of our identity. The lack of culture of “cancellation” has become a symbol of modern Europe, but for us this is a path to nowhere. Last. Russian civilization is larger and more complex than European: it is Eurasian civilization.

Keywords: Europe, European Union, integration, civilization, global crisis, Russia, search for ideology, prospects of cooperation

For citing: Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. European Choice of Russian Civilization: The Imperatives of 2023 // Administrative consulting. 2023. N 6. P. 27–33.

Глубина изменений, происходящих на наших глазах, удивляет и пугает одновременно. Уже очевидно то, что следует ожидать не новые количественные характеристики, а новое качество мира. Эти изменения будут как минимум не меньше тех, которые мы видели по результатам Первой или Второй мировых войн. При этом будем исходить из того, что новый мир будет построен по результатам серии региональных конфликтов с выраженным экономическим содержанием, замаскированным в политическую оболочку.

Этот процесс требует долгого осмысления. Иэн Шапиро в своей программной работе «Бегство от реальности в гуманитарных науках» фиксирует «удивление экономистов по поводу того, что их теории не смогли дать им ни инструментов для понимания кризиса, ни средств свести его на нет, раз уж он успел начаться» [18, с. 11]. Это справедливо для любого кризиса вообще, хотя было написано еще к кризису 2007–2009 гг. Как уже отмечалось, «Кризис — это практически всегда ситуация осмысления пройденного пути, а не только прогнозирования будущего. Однако главные проблемы не в экономической теории, а в теории и практике международных отношений» [11].

С другой стороны, ничего принципиально нового не происходит. Исторический процесс — явление разноскоростное. Если бы удалось воскресить В. Ленина, он бы пожал плечами и сказал: «да, товарищи, перед вами очередной острый этап борьбы за предел мира». Технологическое обеспечение этой борьбы качественно изменилось, абсолютно новое качество информационного противостояния мы также видим. Но пока нет никаких оснований говорить о том, что происходит что-то принципиально новое в человеческой истории.

Обозначим ключевые тенденции текущего момента.

1. Кризис глобальной идеологии: «Неолиберальной идеологии противостоят системы координат традиционализма, суверенности, национального самосознания» [7, с. 7]. Более того, концепция национального суверенного развития имеет все больше сторонников.
2. Переход от классической демократии к имитационной: «Для поддержания демократии и достижения справедливости гражданское общество вынуждено постоянно вторгаться в другие сферы, требовать их реформ, регулировать и контролировать их» [19, р. 34]. Возникает закономерный вопрос: в какой степени это демократия, а не авторитаризм?
3. Очевидный крах глобальных финансовых институтов. Их век оказался предельно коротким — порядка 60–70 лет. Альтернативой для прежних эпох был золотой стандарт. Предельно простая схема. Сколько у вас золота, столько у вас реальных возможностей покупать. «Дутые» финансовые инструменты в модели золотого стандарта отсутствовали.
4. «В очередной раз закончилась фаза фритредерства — свободы торговли. В конце XX — начале XXI века это называли глобализацией. Новая парадигма, которую можно назвать регионализацией, в историческом плане имеет гораздо большую представленность и была характерна в разные времена для всех стран, включая Соединенные Штаты и даже Великобританию. „Бостонское чаепитие“ имело вполне конкретное внешнеэкономическое измерение» [6].
5. Возможно, третье десятилетие XXI в. уже «стало периодом развития общемировых процессов на фоне противостояния двух тенденций: стремления национального государства сохранять свой суверенитет и попыток игнорирования границ национального государства в результате расширения и углубления процесса глобализации и деструкции ялтинской системы» [10]. Л. Фоссет справедливо предупреждала о том, что «регионализация мировой экономики отчасти является результатом противодействия государств разрушительным последствиям глобализации» [16, р. 26].

6. Если смотреть на реальный ресурсный фактор, то российская, китайская, австралийская, канадская экономики выглядят гораздо лучше, чем они фиксируются в официальной статистике. Показатель ВВП (валовой внутренний продукт), строго говоря, не обозначает ничего. И в эту ловушку попались эксперты и политики, насчитавшие Российской Федерации 2% мирового ВВП, а затем несколько удивившиеся современному экономическому положению в России в сравнении с остальным миром. В общем, все это есть в «Евгении Онегине» Пушкина: «Чем государство богатеет, когда простой продукт имеет». Выясняется, что простой продукт у нас есть, а вот с финансовыми инструментами гораздо сложнее.
7. Взгляд на Россию из России мешает увидеть некоторые общие тенденции. На самом же деле происходит возврат наиболее значимых позиций тех стран, которые когда-то эти позиции занимали, но потом по каким-то причинам утратили. Это относится к России, Персии-Ирану, Китаю, Турции.
8. Объединенный Запад вышел на откровенно фашистские позиции. Теоретическая база для этого готовилась давно. «Люди, жизненными силами которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создать прочную социальную организацию. Они должны скатиться к условиям полного варварства» [15, р. 145–146]. В 2023 г. в общем навязчивом шуме о русской агрессии с цитированием всех «классиков» от де Кюстина до Л. фон Мизеса начали появляться новые ноты. Именно поэтому следует внимательнее присмотреться к российским теоретикам и практикам, вещающим о европейских ценностях, под которыми они понимают собственную недвижимость в Европе. Да, отдельные представители Запада понимают, что «русophobia не похожа на англофобию или германофобию французов, а больше схожа с антисемитизмом. Это не феномен, восходящий к конкретным историческим событиям, а фобия, „совершенно не связанная с поведением жертвы“» [12]. Существует еще один аспект проблемы. Уже во время гражданской войны в России идеологическое, т. е. антикоммунистическое, внешнее словесное оформление антирусской политики Запада скрывало очень старое содержание, известное нам со времен Александра Невского. Запад боролся не с коммунизмом, а именно с Россией. В авангарде этой борьбы идет Европа.

* * *

Вопрос об отношениях России и Европы как, впрочем, России и мира, крайне сложен и запутан. Для того чтобы несколько облегчить себе задачу, давайте сосредоточимся на отношениях России и Европы, тем более что в силу ряда причин в начале 90-х гг. прошлого века мир для нас стал синонимом Европы. Америка — далеко, экономические связи с ней всегда были элементами высшего пилотажа международной торговли, а Китая в современном понимании ключевого центра силы еще нет на экономической карте.

Определяющее значение для понимания современных процессов в Европе имеют политические факторы. Именно они объясняют то, что перед нами не кризис европейской идеи, перед нами разворачивается кризис конкретной практики ее реализации в политической сфере [9].

Как оценивать текущий этап европейской интеграции? «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации» [3]. Ранее мы отмечали, что «промежуточный результат эволюции интеграционных процессов в Европе заключается в том, что ЕС, действительно достигнув высокого уровня сплочения, вынужден заниматься оптимизацией или даже спасением достигнутого. На масштабные геополитические проекты нет и не

было средств и, рискуем предположить, необходимой политической воли» [17]. Именно поэтому Европа реализовала проект стратегической провокации — «Украина».

Мы должны правильно понимать природу нынешних европейских трудностей. У нас принято считать, что страны Евросоюза отказались от своего национального экономического суверенитета, но на самом деле это не все. Новое качество кризиса в зоне евро было вызвано не только отсутствием общей экономической политики, но и отсутствием достаточных ресурсов для ее осуществления. События уходящего года показали, что прежняя система международных экономических отношений, сложившаяся после Второй мировой войны, практически полностью себя исчерпала и на наших глазах формируется новый миропорядок.

Объединение Европы, по крайней мере, в нынешних формах, не дало синергетического эффекта и не вывело ее на новый уровень мирового влияния, соответствующий имеющемуся потенциалу. Вспомним классическое определение интеграции, которое дано О.В. Буториной: «В рамках неофункционализма интеграция — коллективное средство решения практических задач. При этом национальные власти могут делегировать органам союза исполнительные полномочия, но не суверенитет. Население, видя полезность союзных институтов, признает их и проявляет к ним лояльность [4]. Здесь ключевой момент — «население, видя полезность». А если оно не видит этой пользы?

Однако проблемы европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. «То, что выглядело триумфом ЕС, обернулось неоднозначными последствиями и явными неудачами, а набранная им скорость продвижения к новым рубежам европейской интеграции оставляет теперь впечатление поспешности. Конечно, в нынешних злоключениях ЕС огромную роль сыграл внешний фактор — глобальный финансово-экономический кризис. Однако первые осложнения возникли до него, и первопричины кризисного состояния ЕС следует искать внутри него» [2, с. 35].

Часть из этих причин имеет восточно-европейское происхождение. К. Зегберс пишет: «В странах Восточной Европы, где после 1989 г. шел процесс строительства нации-государства (*nation building*) и возникали новые государства, их роль, казалось бы, возрастала. Однако на деле, начиная с 90-х годов, она (в этом регионе, как и везде) была в структурном и сущностном отношении ослаблена» [8, с. 69].

Восточно-европейские лимитрофы возвращаются к своему пограничному и зависимому статусу. Если раньше в качестве блестящей иллюстрации этого тезиса мы указывали Прибалтику, то теперь вполне можем указать огромную с позиции лимитрофной теории Польшу. Как писал известный финский дипломат 80 лет назад, «В нашей стране формируются два мощных противостоящих друг другу фронта. Один из них ориентирован на Западную Европу и уже ведет авансом „борьбу за права“ против Советского Союза, а другой, наученный опытом двух войн, стремится к прочной дружбе с Советским Союзом и хочет стать в качестве члена ООН оплотом мира» [5, с. 245].

«В свою очередь ЕС, одновременно с поиском своего места в „новом мировом порядке“, который создастся на берегах Тихого океана, придется решать и многие внутренние проблемы, которые появятся, когда Брюссель и Кремль повернутся друг к другу спиной. Одной из них будет резкий экономический спад приграничных стран востока ЕС, нового санитарного кордона, потерявших транзитные и экспортные возможности в Россию и Таможенный союз. От этого пострадают не только „вечные русофобы“ Балтийские страны и Польша, но и Финляндия, несмотря на провозглашенную взвешенную внешнюю политику, так же как Румыния и Болгария, несмотря на исторически приписываемую последней русофилию» [14].

Следует отметить, что эксперты еще в 2012–2014 гг., т. е. более десяти лет назад, указывали на то, что кризис в отношениях России и ЕС приближается и причины для него объективные: «В целом пространство внешнеполитического маневра в отношениях с Евросоюзом для России будет сужаться, включая сферу поставок нефти и газа, особенно после вероятной выработки в следующие несколько лет государствами — членами ЕС общей энергетической политики» [13, с. 26]. В 2023 г. этот тезис уже не является предметом для дискуссии. Вопрос лишь в том, обратима ли данная ситуация [1].

Для нас Европа всегда была ближе, ощущение родства с ней было более очевидно и понимание необходимости возвращения в Европу выглядит абсолютно логично. Было ли наше несколько демонстративное стремление в Европу чем-то неправильным или ошибочным? Ответ не очевиден. Предложим свою версию. Мы искренне стремились в ту Европу, которая как раз в это время начала трансформацию в то странное состояние, которое мы наблюдаем сегодня. Мы хотели попасть в свободную, в хорошем смысле либеральную, процветающую Европу, с подлинной, а не имитационной демократией, где постепенно будут отмирать инструменты военного принуждения и будет углубляться подлинно равноправное экономическое сотрудничество... Мы шли в эту Европу, а эта Европа тихо и незаметно исчезла. Возможно, в 2003 г. на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга мы попрощались с Европой, Европа дружно и в общем-то согласованно попрощалась с нами, а мы этого даже не заметили.

Современные отношения России и Европы — это не единственный возможный формат. Как оказалась в Российской империи более чем миллионная немецкая диаспора? Неужели она была привезена в «столыпинских» вагонах? Нет! В Россию их приглашали русские цари, они приезжали не только из материальных соображений, но, в том числе, и для того, чтобы жить в условиях большей свободы, чем в Европе, одновременно обогащая нашу цивилизацию европейскими достижениями.

Что же будет дальше? Новая Россия — 2024 будет уделять важное, но не основное внимание отношениям с западными странами. Взаимодействие с внешним миром является необходимым условием модернизации и трансформации России. Но это будут подлинно партнерские отношения. Или же мы будем ждать этого подхода от Европы. Сегодня с уверенностью можно сказать, что не только Европа, но и Азия нам и близка, и чрезвычайно важна с экономической и политической точек зрения.

Ожидание «конца истории» в исполнении Фрэнсиса Фукуямы привело к странному результату. История действительно заканчивается для ортодоксов либеральной теории. Но для России деградация «Большого Запада» — это освобождение от квази-колониальной эксплуатации, новый шанс на духовное возрождение, на спасение себя и других. Отрицание духовного превосходства Запада не следует путать с отказом от материального, научно-технического, культурного потенциала Европы. Это один из заветов Петра Великого, день рождения которого мы недавно отметили.

Текущие проблемы и наши задачи очевидны: развитие экономики, укрепление мер социальной защиты, многовекторная внешняя политика. Стратегическая цель — цивилизационная модель и ее идеология. Если Самуэль Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» признавал Россию цивилизацией, почему мы сами не должны это признавать? Но цивилизация — это общественная и государственная идеология.

Итак, Европа еще есть, европейской идеологии больше нет. Именно поэтому главной нашей задачей является поиск стратегических идеологических инициатив общественного и государственного развития России в тех крайне непростых условиях, которые мы наблюдаем.

Литература

1. Белов В. Б., Котов А. В. Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер // *Общественные науки и современность*. 2023. № 2. С. 72–89.
2. Борко Ю. А. Европа-XXI: дальше вверх или дальше вниз? [Электронный ресурс] // *Европейская безопасность*. 2011. № 26 (42). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-564845.html>.
3. Бусыгина И. М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // *Международные процессы*. 2007. Т. 5, № 3(15). С. 18–27. EDN OIDVZD.
4. Буторина О. В. Интеграция в стиле фанк [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/integracziya-v-stile-fank/>
5. Войномаа В. Дипломатическая почта. М. : Прогресс, 1984.
6. Го Ш., Межевич Н. М., Сеник Н. М. ШОС как формат сотрудничества и его возможности в Центральной Азии // *Восток — Запад: история и современность* : Ежегодник / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. Вып. 2. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2022. С. 25–32. EDN MFETLZ.
7. *Европа в кризисном мире* : коллективная монография / Ал. А. Громыко и др.; отв. ред. Ал. А. Громыко. М. : ИЕ РАН : Издательство «Весь Мир», 2022.
8. Зегберс К. «Сшивая лоскутное одеяло...» // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 4. С. 65–83.
9. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Императив экономической интеграции России и Европы в условиях глобализации и системного кризиса мировой экономики // *Экономика качества*. 2014. № 8. С. 77–83.
10. Межевич Н. М. Границы в современном мире: новые качества в условиях глобализации // *Псковский регионологический журнал*. 2006. № 3. С. 3–13. EDN NUHRDJ.
11. Межевич Н. М. К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик // *Управленческое консультирование*. 2020. № 5(137). С. 95–101. EDN FXIMKK.
12. Мюллерсон Р. Почему ненависть к России вредит мировому сообществу [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Rusofobiya-kak-promyvka-mozgov-17899>.
13. *Россия — Европейский союз: возможности партнерства* / И. М. Бусыгина (рук.) и др.; гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по междунар. делам. М. : Спецкнига, 2013.
14. Урбанович Я. Как выжить в санитарном кордоне? [Электронный ресурс]. URL: https://site-298132.mozfiles.com/files/298132/janis_urbanovic_2014_october_kordon_ru.pdf
15. Фон Мизес Л. Либерализм. М. : Экономика, 2001.
16. Фосетт Л. Регионализм в исторической перспективе // *Регионализм в мировой политике*. Ed. by Fawcett L. and Hurrell A. Oxford University Press, 1995.
17. Шамахов В. А., Межевич Н. М. О европейском опыте в евразийской интеграции // *Управленческое консультирование*. 2020. № 3(135). С. 47–53. EDN CYUEZF.
18. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
19. Alexander J. *The Civil Sphere* N. Y. Oxford University Press, 2006.

Об авторах:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, заведующий лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Belov V. B., Kotov A. V. Economic relations between the EU and Russia under restrictive measures // *Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']*. 2023. N 2. P. 72–89. (in Rus).
2. Borko Yu. A. Europe-XXI: further up or further down? [Electronic resource] // *European security [Evropeiskaya bezopasnost']*. 2011. N 26 (42). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-564845.html>. (in Rus).

3. Busygina I. M. Asymmetric integration in the European Union // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. 2007. Vol. 5, N 3 (15). P. 18–27. EDN OIUVZD. (in Rus).
4. Butorina O. V. Integration in the funk style [Electronic resource] // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/integracziya-v-stile-fank/> (in Rus).
5. Voionmaa V. Diplomatic Post. Moscow : Progress, 1984. (in Rus).
6. Guo Sh., Mezhevich N. M., Senik N. M. SCO as a format of cooperation and scoup of opportunities in Central Asia // East — West: history and modernity: Yearbook [Vostok — Zapad: istoriya i sovremennost' : Ezhegodnik] / Ex. ed. D. V. Kuznetsov. N 2. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2022. P. 25–32. EDN MFETLZ. (in Rus).
7. Europe in a Crisis World: Collective Monograph / Al. A. Gromyko et al.; ex ed. Al. A. Gromyko]. Moscow : IE RAS: Publishing house "All the World", 2022. (in Rus).
8. Segbers K. "Stitching a quilt..." // Pro et Contra. 1999. Vol. 4. N 4. P. 65–83. (in Rus).
9. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. The imperative of economic integration of Russia and Europe in the context of globalization and the systemic crisis of the world economy // Quality economics [Ekonomika kachestva]. 2014. N 8. P. 77–83. (in Rus).
10. Mezhevich N. M. Borders in the modern world: new qualities in the context of globalization // Pskov Regional Journal [Pskovskii regionologicheskii zhurnal]. 2006. N 3. P. 3–13. EDN NUHRDJ. (in Rus).
11. Mezhevich N. M. On the question of verifying the concept of "Path Dependence" for the post-Soviet space in the light of thirty years of intuitive practices // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 5 (137). P. 95–101. EDN FXIMKK. (in Rus).
12. Mullerson R. Why hatred of Russia harms the world community [Electronic resource] // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politik]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Rusofobiya-kak-promyuka-mozgov-17899>. (in Rus).
13. Russia — European Union: partnership opportunities / I. M. Busygin, etc.; Chief Editor I. S. Ivanov; Russian Council on International Affairs. Moscow : Spetskniga, 2013. (in Rus).
14. Urbanovich Ya. How to survive in a sanitary cordon? [Electronic resource]. URL: https://site-298132.mozfiles.com/files/298132/janis_urbanovic_2014_october_kordon_ru.pdf (in Rus).
15. Von Mises L. Liberalism. Moscow : Economics, 2001. (in Rus).
16. Fawcett L. Regionalism in historical perspective // Regionalism in world politics. Ed. by Fawcett L. and Hurrell A. Oxford University Press, 1995. (in Rus).
17. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. On European experience in Eurasian integration // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 3(135). P. 47–53. EDN CYUEZF. (in Rus).
18. Shapiro I. Flight from reality in the humanities / translation from English D. Uzlaner. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. (in Rus).
19. Alexander J. The Civil Sphere N. Y. Oxford University Press, 2006.

About the authors:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru